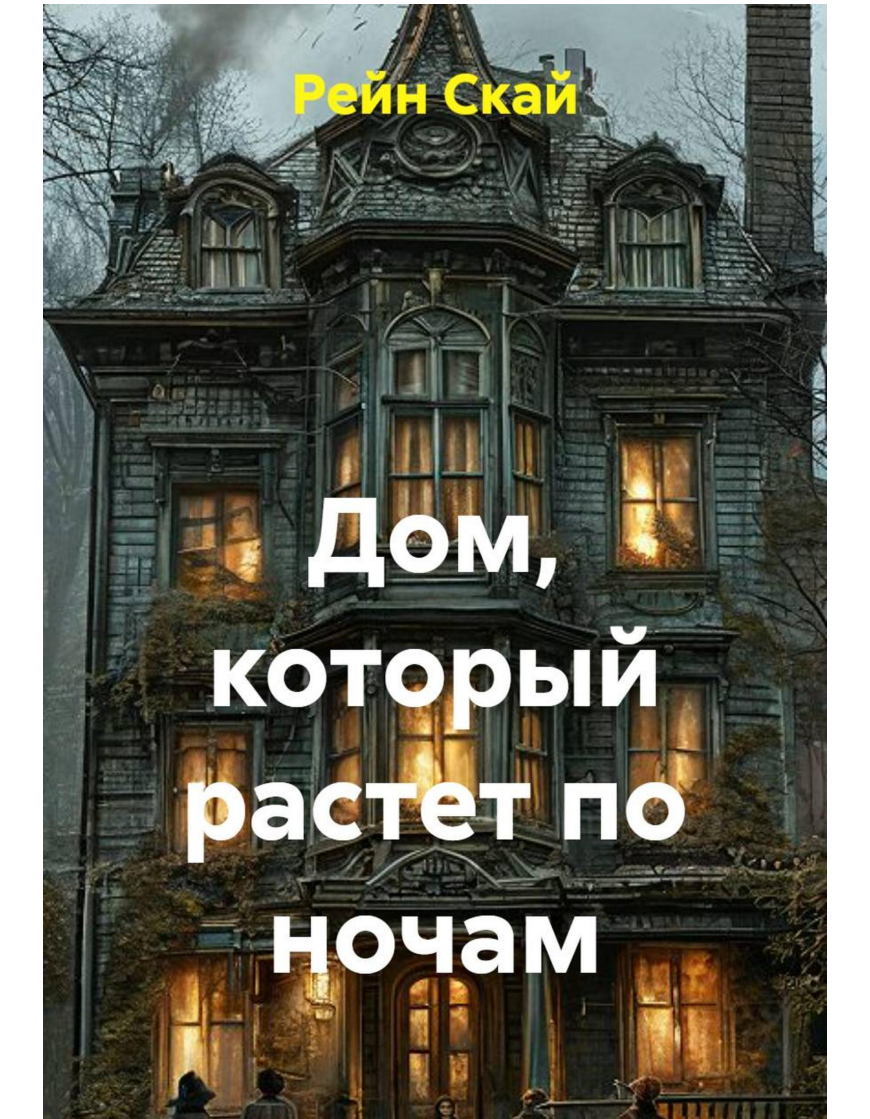

Рейн Скай

Дом,
который
растет по
ночам

Рейн Скай

Дом, который растёт по ночам

<https://litres.ru/74260652>

SelfPub; 2026

Аннотация

В старом доме на углу таится древняя сила — она стирает память и меняет реальность. Группа необычных союзников бросает ей вызов: в их руках — смех, истории и хрупкий договор. Но тайна хранительницы и истинная природа дома ещё не раскрыты..

Конец 19 - начало 20 века.

Содержание

Глава 1	4
глава 2	11
глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Рейн Скай

Дом, который растет по ночам

Глава 1

Город цеплялся за сумерки, будто боялся отпустить день. Узкие улочки, вымощенные булыжником, уже тонули в сизой дымке, а над крышами нависала тяжёлая, набухшая влагой туча — такая, что казалось, она вот-вот рухнет и раздавит весь квартал своим весом. В этом районе дома стояли тесно, плечом к плечу, словно старики, привыкшие держаться друг за друга в непогоду. Но один дом выделялся среди прочих — не красотой, не изяществом, а тем, как он будто не принадлежал этому месту.

Он стоял на углу, где сходились две улицы, и угол этот был острым, почти режущим взгляд. Дом казался слишком большим для своего участка — будто его построили не здесь, а потом перенесли, и земля под ним так и не успела привыкнуть к этой тяжести. Стены были сложены из тёмного камня, который в сумерках становился почти чёрным, а окна напоминали пустые глазницы, в которых не было ни света, ни тепла.

Именно к этому дому и направлялся купец Арсений Викентиевич Краснин.

О нём в городе ходили разные слухи — и все они сходились в одном: Краснин был богат. Не просто состоятелен, а по-настоящему богат — так, что даже самые искушённые дельцы качали головами и говорили: «Не иначе как с нечистым дело имеет». Но сам Краснин не обращал внимания на пересуды. Он был человеком дела: скупал, продавал, строил, вкладывал — и всегда оставался в выигрыше. Его имя звучало в купеческих собраниях, в гостиных знатных домов, в портовых тавернах, где собирались те, кто привык делать деньги там, где другие видели лишь риск.

Сегодня же Краснин шёл не по делу — по зову.

Три дня назад он получил письмо. Без подписи, без печати, на плотной бумаге, пахнувшей чем-то пряным и незнакомым. В нём было всего несколько строк:

«Дом ждёт вас. Придите, когда город уснёт. То, что вы ищете, найдёт вас само».

Краснин не верил в мистику. Он верил в расчёт, в опыт, в холодный ум. Но в этих строках было что-то, что зацепило его — не страх, не любопытство, а ощущение, будто кто-то знает о нём больше, чем он сам. И это раздражало. А раздражение Краснин привык гасить действием.

Когда он подошёл к дому, сумерки уже превратились в ночь. Фонари на улице горели тускло, будто не хотели освещать это место. Дверь была массивной, из тёмного дерева, с

железными накладками, потемневшими от времени. На ней не было ни ручки, ни звонка — только старое кольцо, позеленевшее от патины.

Краснин взялся за кольцо и постучал. Звук получился глухим, будто дом поглотил его, не желая выпускать наружу.

Прошло несколько мгновений — и дверь медленно, со скрипом, приоткрылась сама по себе.

На пороге никого не было.

Внутри царил тьма, густая и плотная, словно ткань. Но Краснин не остановился. Он переступил порог, и дверь за его спиной закрылась — тихо, почти неслышно, но окончательно.

И в тот же миг он почувствовал, как пол под ногами слегка дрогнул — будто дом вздохнул.

Арсений Викентиевич замер, прислушиваясь. В тишине, которая накрыла его, как тяжёлое одеяло, слышалось что-то ещё — не просто отсутствие звуков, а их искажение. Уличный шум, доносившийся до него ещё минуту назад, вдруг оборвался, словно кто-то отрезал его ножом. Даже ветер, который гнал по мостовой сухие листья, здесь будто терял силу и затихал, едва коснувшись фасада.

Краснин достал из кармана серебряный портсигар, щёлкнул крышкой и поднёс к фитилю маленькую зажигалку. Пламя вспыхнуло, и на мгновение осветило пространство перед ним. Это был не коридор, как он ожидал, а нечто большее — широкий вестибюль, чьи стены уходили вверх, теряясь в

темноте. Пол был выложен плитами из того же тёмного камня, что и фасад, но между ними виднелись тонкие прожилки, отливавшие странным, едва заметным золотистым свечением.

«Странно», — пробормотал Краснин себе под нос. Он не любил странностей. В его мире всё имело объяснение: прибыль, убыток, договор, залог. Странности же означали риск, а риск он допускал только тогда, когда мог его просчитать.

Сделав шаг вперёд, он услышал, как под подошвой что-то хрустнуло. Наклонившись, купец разглядел на полу тонкую, словно паутинка, трещину. Она не была похожа на обычную трещину от времени — её края казались свежими, будто камень раскололся только что. И от этой трещины, словно ручейки, тянулись ещё несколько, убегая в темноту.

В воздухе витал запах, который Краснин никак не мог опознать. Это не был запах сырости или пыли, привычный старым домам. Это был запах чего-то живого — тяжёлый, сладковатый, смешанный с ароматом нагретого металла и сухих трав. Он напоминал ему запах купеческой лавки в жаркий полдень, когда специи смешиваются с запахом воска и дерева, но здесь этот аромат был искажён, будто его пропустили через тёмное стекло.

Купец сделал ещё несколько шагов, и тут его внимание привлекла деталь, которую он не заметил сразу: на стене, едва различимая в полумраке, виднелась резьба. Это были не просто узоры, а целые сцены, вырезанные с поразительной

точностью. На одной из них был изображён человек, стоящий на краю обрыва, а под ним клубилась тьма, принимавшая очертания чудовищных лиц. На другой — город, который будто растекался, как воск, теряя свои очертания. И на каждой сцене в углу виднелся маленький символ: круг, пересечённый тремя линиями.

Краснин нахмурился. Он знал толк в символах: в торговых марках, гербах, печатях. Но этот знак был ему незнаком. И то, что он повторялся, заставляло его нервничать.

Вдруг из глубины дома донёсся звук — не скрип, не шорох, а низкий, тягучий гул, похожий на стон огромного механизма. Купец замер, прислушиваясь. Звук нарастал, и вместе с ним, казалось, менялась сама атмосфера в доме. Воздух стал тяжелее, словно в него добавили невидимую пыль.

И тут Краснин почувствовал это снова — лёгкое, едва уловимое движение под ногами. Пол не просто дрогнул, он будто... сдвинулся. Словно дом не стоял на месте, а медленно, незаметно для глаза, перестраивался.

«Это невозможно», — подумал Краснин, но вслух не произнёс ни слова. Он привык доверять своим глазам и ушам, но сейчас они говорили ему вещи, в которые он не хотел верить.

Из темноты впереди выступила фигура. Высокая, худая, в длинном плаще, скрывавшем черты. Лицо оставалось в тени, но Краснин почувствовал на себе взгляд — холодный, изучающий.

— Вы пришли, — прозвучал низкий голос, лишённый ин-

тонаций, будто слова произносил не человек, а сам дом.

— Кто вы? — спросил Краснин, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

Фигура не ответила сразу. Вместо этого она медленно подняла руку и указала куда-то вглубь дома, туда, где тьма казалась особенно густой.

— Дом ждал вас долго. Он знает, что вы ищете.

Краснин сжал кулаки. Он ненавидел загадки.

— Я ничего не ищу, — резко ответил он.

Фигура тихо, без улыбки, покачала головой.

— Все что-то ищут. Даже те, кто думает, что у них есть всё. Дом чувствует это. Он растёт по ночам, впитывая желания, страхи, тайны. И сегодня он выбрал вас.

Купец хотел возразить, но слова застряли у него в горле. В этот момент он вдруг вспомнил о письме. О том, как оно появилось на его столе утром, хотя никто не приносил его лично. О том, как в нём были слова, которые, казалось, знали его мысли. И о том, что в последние недели его мучили сны — странные, тяжёлые, в которых он видел этот самый дом, только ещё больше, ещё темнее, будто он разрастался, поглощая город.

— Что значит «выбрал»? — спросил он, уже не так уверенно.

Фигура сделала шаг вперёд, и на мгновение свет от зажигалки коснулся её лица. Краснин успел разглядеть только глубокие морщины и глаза — чёрные, без зрачков, словно

пустые провалы.

— Это значит, что теперь вы часть его истории. И он — часть вашей.

С этими словами фигура развернулась и исчезла в темноте, оставив Краснина одного в огромном, дышащем доме.

Купец стоял, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Он хотел уйти, вернуться на улицу, где всё было понятно и привычно. Но когда он обернулся, то увидел, что двери больше нет. На её месте была сплошная каменная стена, без намёка на проём.

Тишина стала почти осязаемой. И в этой тишине Краснин слышал новый звук — тихий, ритмичный, похожий на биение сердца. Только оно звучало не в его груди, а где-то глубоко в недрах дома. И тогда он понял: дом действительно рос. Каждую ночь. И, возможно, именно сегодня он вырос настолько, чтобы вместить его.

глава 2

Когда Арсений Викентиевич Краснин понял, что выхода нет — на месте двери теперь была глухая каменная стена, — он не бросился на неё, не стал колотить кулаками и звать на помощь. Это было не в его характере. Купец привык действовать там, где другие терялись, и теряться там, где другие действовали бездумно.

Он снова щёлкнул зажигалкой. Пламя вспыхнуло, и на миг выхватило из темноты не только стены, но и собственные руки Краснина — крупные, с узловатыми пальцами, привыкшими держать не только перо, но и тяжёлый кошель. На запястье тускло блеснул золотой браслет — подарок жены, давно уже покойной, который он носил не из сентиментальности, а потому что привык к его весу, к ощущению металла на коже.

«Сначала — осмотреться, — подумал Краснин. — Потом — решать».

Он двинулся вперёд, туда, где ещё недавно стояла фигура в плаще. Пол под ногами снова едва заметно дрогнул, будто дом делал медленный, глубокий вдох. Трещины, замеченные им раньше, теперь казались шире, а золотистые прожилки в камне — ярче, словно по ним текла не руда, а свет.

Резьба на стенах теперь читалась отчётливее. Краснин остановился перед одной из сцен: на ней был изображён че-

ловек, стоящий на перекрёстке трёх дорог, а вокруг него кружились тени, похожие на птиц с человеческими лицами. В углу снова мелькнул тот самый знак — круг, пересечённый тремя линиями.

— Что ты такое... — пробормотал купец, проводя пальцем по холодному камню.

И тут из темноты снова раздался тот же низкий, ровный голос:

— Дом не спрашивает, он предлагает.

Краснин резко обернулся, но никого не увидел. Голос звучал не из одного места — он будто шёл отовсюду сразу, как эхо, которое не знает, откуда началось.

— Предлагает что? — спросил Краснин, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— То, чего у вас нет. Даже если вы думаете, что у вас есть всё.

Купец стиснул зубы. Он терпеть не мог намёков. Особенно тех, что касались его дел.

В этот момент в глубине дома что-то щёлкнуло — звук был сухим, деловым, как щелчок замка или счётной машинки. И вслед за этим в одном из проходов вспыхнул тусклый, желтоватый свет. Он не был похож на свет лампы или свечи — скорее на свечение старого фосфора, которое живёт своей жизнью и не подчиняется законам огня.

Не раздумывая, Краснин пошёл на этот свет.

За поворотом оказался зал, который не мог существовать

в границах этого дома. По крайней мере, в границах того дома, который стоял на углу двух улиц. Потолок уходил вверх, теряясь в полумраке, а стены были уставлены полками, на которых стояли странные предметы: стеклянные колбы с застывшими вихрями внутри, книги в переплётах из кожи, которая казалась живой, тонкие металлические пластины с вытравленными на них формулами, смысла которых Краснин не понимал.

Но больше всего его поразили стол в центре комнаты. На нём лежала карта города — огромная, развёрнутая, с тонкими линиями улиц и крошечными домиками, вырезанными из дерева. И в самом центре, на месте того самого углового участка, где стоял этот дом, возвышалась миниатюрная копия здания — точная, до мельчайших деталей, вплоть до позеленевшего кольца на двери.

Рядом с картой стоял человек.

Это был не тот, в плаще. Этот был ниже, плотнее, в дорогом сюртуке, который сидел на нём так, будто его шили не для красоты, а для того, чтобы в нём было удобно торговаться. Лицо его было круглым, румяным, с хитрым прищуром, который Краснин знал слишком хорошо.

— Ну здравствуй, Арсений Викентиевич, — произнёс человек, не поднимая глаз от карты. — А я уж думал, ты никогда не придёшь.

Краснин замер.

Перед ним стоял Фёдор Игнатьевич Барин — его дав-

ний конкурент, человек, который годами пытался переиграть его на торгах, перехватить выгодные контракты, подкупить нужных людей. Они не любили друг друга, и это было известно всему купеческому сословию города. Баринов был из тех, кто не гнушался слухов, подстав и мелких подлостей, если они вели к прибыли.

— Баринов? — выдавил Краснин.

Фёдор Игнатьевич наконец поднял глаза. В них не было ни удивления, ни радости — только холодный расчёт.

— А ты думал, ты тут один такой особенный? Дом зовёт не только тебя. Он зовёт всех, кто хочет большего.

— Я ничего не хочу, — резко ответил Краснин.

Баринов усмехнулся — так, как усмеваются люди, которые знают, что собеседник лжёт, но не собираются его в этом уличать.

— Все хотят. Кто-то — денег, кто-то — власти, кто-то — чтобы его имя запомнили. А ты, Арсений Викентиевич, хочешь, чтобы никто не мог тебя обойти. Чтобы твоё слово было последним. Разве не так?

Краснин промолчал. Слова Баринова попали в цель, но он не собирался этого показывать.

— И что, по-твоему, этот дом может мне дать? — спросил он, обводя взглядом комнату.

— Он может дать тебе преимущество. Такое, которое никто не сможет повторить. Но за это придётся заплатить.

— Чем?

Баринов наклонился над картой и провёл пальцем по одной из улиц. В тот же миг миниатюрная копия дома на столе слегка дрогнула, и из её стен, казалось, выросли тонкие нити тумана, которые потянулись к другим домикам на карте.

— Тем, что тебе дороже всего. Не деньгами. Не имуществом. Чем-то личным. Дом питается не золотом, Арсений Викентиевич. Он питается тайнами.

Краснин нахмурился.

— Ты говоришь загадками.

— А разве в твоём деле всё ясно? Разве каждый контракт — это просто бумага и подписи? Разве каждая сделка не держится на том, что один знает о другом чуть больше, чем должен? Дом просто делает это... осязаемым.

В этот момент карта на столе шевельнулась сама по себе. Одна из улиц, та, что вела к главной торговой площади, вдруг искривилась, словно её смяли в чьей-то руке. Миниатюрные домики на ней наклонились, а некоторые и вовсе исчезли, будто их стёрли.

Баринов не удивился. Он лишь кивнул, будто ожидал этого.

— Видишь? Дом уже начал. Он меняет реальность. Медленно, незаметно, но необратимо. И тот, кто будет с ним заодно, сможет направлять эти изменения.

— А тот, кто не будет? — спросил Краснин.

— Тот станет частью изменений. Против своей воли.

Купец почувствовал, как по спине пробежал холодок. Не

от страха — от осознания того, что он оказался втянут в игру, правил которой не знал.

— И ты уже согласился? — спросил он, глядя на Барина.

Конкурент снова усмехнулся.

— Я не соглашаюсь. Я использую. Как и всегда. Дом — это инструмент. Такой же, как кредит, как залог, как обещание. Главное — не дать ему использовать тебя.

Из темноты снова прозвучал тот же голос, что и раньше:

— Инструменты тоже имеют свои желания.

Баринов на мгновение замер, будто услышал что-то, чего не слышал Краснин. Его лицо на миг стало серьёзнее, почти испуганным, но он быстро взял себя в руки.

— Не обращай внимания, — сказал он, отводя взгляд. — Это просто... акустика.

Но Краснин видел, что это не так. Баринов боялся. И это было странно. Фёдор Игнатьевич никогда ничего не боялся — только проигрыша. А теперь он боялся чего-то другого.

В зале снова что-то щёлкнуло, и свет стал ярче. На одной из полок Краснин заметил тонкую тетрадь в кожаном переплёте. На обложке не было ни названия, ни имени — только тот самый символ: круг, пересечённый тремя линиями.

— Что это? — спросил он, указывая на тетрадь.

Баринов проследил за его взглядом и поморщился, будто увидел что-то неприятное.

— Дневник предыдущего... гостя дома. Он записывал

всё, что видел. И чем дольше он здесь был, тем меньше понимал, что происходит. В конце концов он перестал писать.

— Почему?

— Потому что понял: чем больше ты знаешь, тем сильнее дом держит тебя.

Краснин подошёл к полке и взял тетрадь. Кожа была тёплой, почти горячей, будто её только что держали в руках. Он открыл первую страницу. Там были ровные, аккуратные строки, написанные чернилами, которые странно поблёскивали в свете:

«Я думал, что пришёл сюда за выгодой. Но теперь я понимаю: дом сам выбрал меня. Он знает мои слабости. Он знает, чего я боюсь больше всего. И он использует это».

Дальше шли записи о странных изменениях: о том, как улицы города сдвигались, как знакомые люди начинали говорить чужими голосами, как сны становились реальнее яви. А в конце — одна короткая фраза, выведенная дрожащей рукой:

«Он растёт. И я тоже. Только я не знаю, кем стану».

Краснин захлопнул тетрадь. Её тепло обожгло пальцы.

— Ты тоже это чувствуешь? — спросил он у Баринова.

Тот кивнул.

— Да. И ещё кое-что. Дом не просто меняет город. Он меняет нас. Постепенно. Незаметно. И когда мы это понимаем, бывает уже поздно.

В этот момент пол под ногами снова дрогнул. На этот раз

сильнее. Стены зала слегка сдвинулись, будто дом потягивался после долгого сна. На карте миниатюрные домики задрожали, а туман, тянувшийся от дома, стал гуще и плотнее.

Баринов резко поднял голову.

— Пора уходить. Пока он не замкнул круг.

— Куда? — спросил Краснин.

— Туда, где мы сможем всё это остановить. Или хотя бы понять, как с этим бороться.

Он шагнул к стене, и в тот же миг в ней появился проход — узкий, тёмный, ведущий куда-то вглубь дома.

— Пойдём, — сказал Баринов, исчезая в темноте.

Краснин помедлил. Он не доверял Баринovu. Но сейчас у них была общая цель — выжить и выбраться из этого дома, пока он не поглотил их целиком.

Он сделал шаг вперёд. И в ту же секунду услышал за спиной тихий, ритмичный звук — тот самый, похожий на бие-ние сердца. Только теперь он звучал громче, увереннее, будто дом радовался, что в нём стало на двоих больше.

глава 3

Проход, в который шагнул Баринов, оказался не просто коридором — это был живой лабиринт. Стены здесь не стояли неподвижно: они слегка пульсировали, будто под камнем билось огромное, медленное сердце. Каждый шаг отдавался не эхом, а каким-то внутренним гулом, словно дом прислушивался к тому, кто осмелился ступить на его территорию.

Краснин шёл следом за Бариновым, стараясь не смотреть по сторонам, но взгляд сам цеплялся за детали, от которых становилось не по себе. На стенах проступали новые резные сцены — они будто проявлялись прямо на глазах, как изображения на фотобумаге, погружённой в проявитель. Вот женщина в длинном платье склоняется над колыбелью, а тень за её спиной тянется к ребёнку. Вот мужчина стоит на краю обрыва, и земля под ним рассыпается в пыль. И везде, в каждом углу, мелькал тот самый знак — круг, пересечённый тремя линиями.

— Не смотри на них долго, — буркнул Баринов, не оборачиваясь. — Говорят, если взглядишься слишком пристально, увидишь себя. И не в лучшем свете.

Краснин сжал губы. Он не верил в эти байки. Но отчего-то ему вдруг вспомнился его собственный кабинет в городе: аккуратные стопки бумаг, тяжёлые бронзовые пресс-папье, портрет покойной жены над камином. Всё такое по-

нятное, твёрдое, реальное. А здесь реальность будто расслаивалась, как старая краска на облупившейся стене.

Коридор вывел их в круглый зал, совершенно непохожий на всё, что они видели раньше. Здесь не было ни колб, ни карт, ни зловещих механизмов. Напротив, зал казался почти уютным — если не замечать того, как странно в нём устроено пространство. В центре стоял длинный стол из тёмного дерева, накрытый белой скатертью. На нём — фарфоровые тарелки, хрустальные бокалы, серебряные приборы, расставленные с изысканной тщательностью. У стены виднелся буфет с резными дверцами, а в углу тихо потрескивал камин, хотя в доме не было видно ни дымохода, ни трубы.

Но самое главное — в зале была женщина.

Она стояла у камина, слегка наклонив голову, будто прислушиваясь к чему-то, чего не слышали другие. На ней было платье из тёмно-синего бархата, почти чёрного в полумраке, с высоким воротником и длинными рукавами. Ткань казалась тяжёлой, словно впитавшей в себя всю темноту дома. Её волосы, собранные в тугий узел, отливали серебром, хотя она не выглядела старой. Лицо было строгим, но не жестоким — скорее усталым, как у человека, который слишком долго несёт на себе чужую ношу.

Когда они вошли, женщина медленно повернулась. Её глаза были необычного цвета — не серые, не зелёные, а будто смешанные из всех сумеречных оттенков сразу.

— А, вот и вы, — произнесла она спокойно, без удивле-

ния, словно ждала их уже много часов, а может, и дней. — Я думала, вы будете дольше плутать.

Баринов остановился, будто наткнувшись на невидимую стену. Даже его привычная самоуверенность куда-то подевалась.

— Госпожа Леся, — пробормотал он, чуть склонив голову.

Женщина слегка приподняла бровь.

— «Госпожа» — слишком громко для этого места. Зовите меня просто Лесей. Или не зовите вовсе.

Краснин не сводил с неё глаз. В ней было что-то знакомое, но он никак не мог понять, что именно. Не лицо, не голос — скорее ощущение, будто он уже встречал её в своих снах. Или в кошмарах.

— Вы... хозяйка этого дома? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.